

Не всех природа равно оделила, и красота к тому же — редкий дар. Если бы все люди или даже большинство были красивы, тогда бы не было преимущества красоты и жизнь стала бы скучна. Стоит лишь внимательно приглядеться к окружающей жизни, и мы увидим в ней такое же поклонение красоте всеми средствами, как и борьба из-за золота. Без красоты сегодня немислимы ни брак, ни любовь. Если любовь — жизнь, то уход за красотой — кровь, которая ее поддерживает.

Золотая книга женщины. Варшава, 1896

• 17 ОКТЯБРЯ¹

Влажные средства наносят на кожу при помощи мягкой кисточки, дают просохнуть и избыток стирают платком. Их опытные люди почти никогда не употребляют для лица, редко их употребляют и для рук. Это объясняется тем, что при искусственном освещении получается от этих средств окраска, напоминающая мертвенную бледность.

Д-р Пашкис. Косметика. СПб., 1896

Нет дела более важного в нашей империи, чем праздники. Даже печатание денег и награждение орденами чиновников отступают перед ним. Вопрос это серьезный, значительный, не терпящий самовольства и шуточек. Особо требует начальственной заботы и внимания. А все почему? А все потому, что сам народ российский праздновать не умеет.

Ну скажите, что за праздники придумывает этот народ? Стыд и дикость, не иначе. Ну устроят объедание блинами и кулачный мордобой на Масленицу, ну лезут, как отмороженные, в ледяные проруби в крещенские морозы, ну разговляются до потери чувств на Пасхальной седмице. Или того лучше: разгуливают по домам, горланя песни да выклянчивая конфеты, на рождест-

¹ По старому стилю. По новому стилю 30 октября.

венских Святках. А еще, чего доброго, станут прыгать через костер на Ивана Купалу или голяком в речке купаться. Где тут назидательный урок, где воспитательный эффект? Их нет. А есть безграничье разгула и даром потраченные выходные. Не говоря уже о несмываемых пятнах позора перед цивилизованными странами да горах мусора на городских площадях.

Не так устроены государственные праздники. Все в них продуманно и отлажено, размеренно и степенно, чинно и благородно. Звон колоколов с парадными маршами. Начальство блистает в золоченых мундирах, дамы машут платочками, народ, как полагается, ликует, а не безмолвствует. Потому официальные торжества возбуждают в душах только почтение да благость, то есть лучшие чувства, какие способен выжать из себя гражданин в отношении власти. Не жалеет государство на празднование самое себя ни сил, ни средств. За что его подданные признательно благодарны. И особо за то, что верноподданнические чувства им доводится выражать изредка.

Однако в конце октября 1895 года случился настоящий обвал государственных праздников. Их оказалось куда больше снега рано пришедшей в этот год зимы. Началось все сегодня, когда с молебнами, торжественными собраниями и речами в клубах народного просвещения отметили чудесное спасение императора Александра III с семьей и наследником в железнодорожной катастрофе в Царском Селе, когда состав рухнул под откос. Искренно радовались не только прямые

виновники торжества — машинисты паровозов и путейцы, но и прочее население столицы.

Не успел отгреметь один, как на смену спешит другой. Уже 20-го не менее пышно и значительно будут отмечать годовщину кончины все того же императора Александра. Согласитесь, есть это в характере народа: только у нас умеют скорбеть не менее зажигательно, чем веселиться. Конечно, опять готовились молебны, собрания и речи просветительных собраний, хоть и печальные. Но пик торжеств выпадал на следующий день, 21 октября, когда все подданные, утерев слезы, намеревались радоваться годовщине восшествия на престол императора Николая и его супруги Александры. И хоть коронация назначена на весну будущего года, размах торжеств поражал воображение уже сейчас.

Столица, озябшая от колючего снега и ледяного сквозняка с Балтийского моря, внезапно приободрилась. Главные улицы и проспекты украсились, как невеста на выданье. Государственные флажки, флаги и даже трехцветные орифламмы¹ расцвели серо-зимние стены и балконы. В витринах магазинов особо сознательных купцов красовались портреты Молодой Державной Четы (как полагается — с заглавных букв!). Менее патриотичные выставили державные бюсты. Но особый прилив эмоций вызвала иллюминация. Электрические лампочки, еще не вполне привычные, будучи развешаны гроздьями, весело мигали желтыми

¹ Полотнища, перетянутые через улицу на веревках.

огонечками в рано наступавшей тьме. А на самых видных местах Невского проспекта взметнулись световые вензеля. Буква А так нежно оплела ножкой Н, что казалось, будто змея обвила несчастную жертву перед укусом. Впрочем, чего не бывает в семейной жизни.

Одним словом, такого размаха Петербург не видывал давно — лет, наверное, восемьдесят, с возвращения из Парижа армии, победившей Наполеона. Кто-то посчитал эту чрезмерность выражением любви народной к новому царю и надежд на его царствование. А кто-то — тайным вздохом облегчения, что юные монархи, взявшись за рычаги управления, не пустили махину Российского государства под откос сразу.

Но праздничной атмосферы хватило не всем. Вот, например, на углу Садовой улицы и Мучного переуллка рядом с афишной тумбой продолжительное время пребывает какой-то господин. Он как будто не обращает внимания на пронизывающий холод, хоть одет в обычное пальто, шляпу, только перчатки кожаные. Судя по всему, господин старательно ищет, где бы повеселиться. Он внимательно изучил афишу премьеры «Власти тьмы» графа Толстого в Малом театре и рядом — ту же премьеру в Александринском театре. Обе постановки были истинной сенсацией: цензура семь лет не разрешала ставить пьесу и вот позволила. Но история порочной крестьянки, убившей с любовником мужа и дитя, не тронула его. Как и премьеры комедии господина Мансфельда «Папашины дочки» в театре Немецки. На балеты Императорского Мариинского театра он даже не взглянул. Чуть сместившись, принялся изучать он

зрелища попроще. Так, концертный зал «Alkazar» призывал его насладиться неаполитанскими напевами в исполнении трио «Граменья» или цыганским разгуляем хора Шишкова. Не менее горячие зрелища сулило заведение «Помпеи». Кого могут оставить равнодушным русские комические куплетисты Богдановы, известный юморист Фистул-Александров и женщина-баритон Марусина? На закуску был обещан великий фокусник Орсини. Иди и наслаждайся. Но господин достаточно юных лет отчего-то не был расположен к веселью. Печально вздохнув, обратился он к афишке самой заметной и вызывающе дерзкой. Жирные буквы сообщали о зрелище уникальном, если не выдающемся, а именно: первом в новейшей истории конкурсе красавиц. Незаурядное событие должно было случиться в конце недели в помещении Дворянского собрания. То ли женская красота не волновала господина, то ли развлечения требовались немедленно, но и этот призыв не нашел отклика в его сердце. Оторвавшись на карманный хронометр, кое-как разобрал он в ранней тьме начало пятого часа и затем отошел к другой стороне тумбы.

Как раз в этот момент в некотором отдалении объявился прохожий. Лихо распахнутая шуба была отдана на волю ветра, а владелец ее выписывал зигзаги не хуже шлюпки в штормовых волнах. Праздничное настроение субъекта горело высочайшим градусом. О чем прохожий сообщал громкими воплями, в которых нежный слух узнал бы изувеченную «Аиду». Широкими жестами дарил он каждой встречной барышне

дружбу, но те, подхватив юбки, с визгом разбегались. Мелкие неудачи не останавливали гуляку, он с упорством шел к своей цели. Как вдруг у него за спиной, словно из тьмы и ветра, выросли крепкие фигуры в одинаково новых пальто, подхватили гуляку под локотки, наградили легким тумачком и, не внимая гневному бульканью задержанного, поволокли к ближайшим воротам. Калитка с лязгом захлопнулась, а перед ней встала массивная фигура с метлой и бляхой дворника.

Господин у тумбы наблюдал за происшествием краем глаза, но не пытался вмешаться или вызвать полицию. Исчезновение, а вернее всего — похищение человека среди бела дня, хоть и темного, оставило его внешне равнодушным. Он уткнулся в новинки театрального и некоторым образом эстрадного искусства.

Не прошло и пяти минут, как таинственная калитка распахнулась. В проем кое-как втиснулась парочка городских, которые бережно поддерживали знакомого нам гуляку и нежно, как дитя, понесли внезапно ослабшее тело к ближайшей пролетке, где погрузили, закутали одеялом и приказали извозчику трогать.

Счастливое разрешение загадки не оторвало господина от афиш, которые читал он по третьему кругу. Так что пропустил явление из калитки новых фигур. Одна из них хоть и кутала нос в меховой отворот зимнего пальто, но, кажется, носила погоны и полицейскую пашку. Служивую выправку не спрячешь, сами понимаете. Зато другая, облаченная в изящное пальто тонкой шерсти, шелковое кашне и лакированные ботиночки для бального паркета, выглядела, как и пола-

гается насквозь промерзшему штатскому человеку. А именно: сотрясалась мелкой дрожью.

— Это что же такое, господин пристав? — слегка клацнув зубами, возмутился господин, одетый не по погоде. — На пытку, что ли, меня вызвали? Уморить вздумали? Что я вам сделал? Это жестоко...

— Так ведь... Как бы сказать... Как полагается... Все в порядке... — словно оправдываясь, прогундосил оробевший пристав.

В ответ замерзший господин яростно чихнул и возопил:

— И это называется «в порядке»?

Даже этот шум не привлек внимания читателя афиш. А вот нам происходящее у калитки становится любопытным, пора уже выяснить, кто тут мерзнет, в самом деле.

Под теплым пальто и собачьим шарфом, вязанным заботливыми ручками жены, стыл не кто иной, как сам пристав 4-го участка Казанской части подполковник Вершинин-Гак. Известный среди подчиненных и купцов, счастливо кряхтящих под его властью, кличкой Желудь, Савелий Игнатьевич нынче оказался в редком положении, когда чихвостили его самого (а не наоборот). И за дело. Оплошал так оплошал. Но винить полагалось только себя. Вчера в голову Желудя забрела мысль, что обычно предрекало ужасные последствия. Пристав смекнул: а неплохо бы перед праздничком очистить улицы от всякого пьяного сброда, чтоб его участок блистал образцовым порядком и трезвостью. Как говорится, проходим хорошо и начальству

приятно. Вторая мысль, пришедшая следом, была предвестником апокалипсиса, не иначе. Желудь так уверился в успехе, что зазвал на показательную облаву репортера из уважаемой газетенки «Петербургский листок». И как назло, прислали не какого-нибудь мальчишку, а знаменитость, самого Леонида Данонкина.

Виртуоз пера, известный статьями о модных новинках вообще и мира искусства в частности, попал в неведомое ему полицейское царство, как мышь в сметану. Редактор обещал занимательные происшествия в теплой обстановке, требовалось всего лишь отразить героические будни полиции. Данонкин оделся как на приличное мероприятие, но оказался в ледяной подворотне в обществе грубого вида мужланов, сопящих и злобных, да еще в гражданской одежонке. Что объяснялось «маскировкой». Это понять было можно. Но то, что творилось в подворотне, требовало веских объяснений. За час непонятного действия репортер промерз до полного изнеможения и поклялся, что прощание со здоровьем кое-кому обойдется дорого.

— И это называется облава? — гневно прохрипел он, давясь кашлем.

Желудь виновато смахнул морозную соплю.

— Это фельетон натуральный, а не облава! — не унижался Данонкин. — Как это понимать: ловят подгулявшего хама с проститутками под ручку и тут же отпускают! Почему не в камеру?

— Так ведь купец с нашего участка, уважаемый отец семейства. Не с проститутками, а племянницами, они же объяснили-с... — оправдывался Желудь, стараясь не

вспоминать криков: «Ты что, Игнатъевич, меня в кутузку? За что я тебя кормлю? Вот каков ты, гнида!» И хохот девиц вдобавок.

— С чего это племянницы дядю «милый котик» называют? Вас не удивляет?.. Обычное дело?.. Ну-ну... А другой хулиган чем заслужил снисхождение?

Пристав только крякнул. Как втолковать залетной птице, что нельзя вот так запросто арестовать сынка уважаемого владельца банка, даже если тот немного разбил витрину. Банк-то тоже на участке. А подношения на праздники — самые щедрые.

— Допускаю, что проявили необъяснимую жалость. Но ведь последний негодяй оскорблял вас наглым образом, лыка не вяжет, а вы его велели домой отвезти! Хороша облава на хулиганов и уличных дебоширов!

Нет, не понять репортеришке, что чиновник Департамента полиции, даже подгулявший, приставу роднее общественного порядка. Эх, зачем только взвалил на шею эту обузу?

— Что мне в статье писать прикажете? Про какие подвиги?

— Наша служба и опасна и трудна, господин Данонкин. И пусть она на первый взгляд не очень заметна, мы всегда на посту... Вот об этом и пропишите... Только уж будьте добросердечны, не поминайте всяких шероховатостей... А ежели вам недостатки надо указать, так это пожалуйста, — заискивающе улыбнулся пристав.

— Неужели у вас есть недостатки? — Данонкин вложил в этот вопрос весь промерзший сарказм, но пристав не заметил.

— Вот они! — Палец Желудя, обтянутый перчаткой, указал в спину господина, изучавшего афишу. — Наглядный пример, каким не должен быть чиновник полиции. Сами видите: ленив, равнодушен к службе, не принимает участия в облаве. От себя добавлю: негодный полицейский. Самые посредственные способности. Подозреваю, что способен на служебный проступок и даже мздоимство. В тот час, когда весь штат, как один, заступил на служение закону и порядку... Одним словом: черное пятно на нашем участке. Так и пропечатайте.

— Неужели?

— Именно так. Прислали к нам от сыскной полиции, надежды возлагали. А он что? Пустое место. И хуже того: дерзок с начальством, невостребован во мнениях, выскочка и недоучка, даром что коллежский секретарь. Стыдно сказать: чиновник для особых поручений. Да и что за вид: ни подтянутости, ни молодцеватости, рыхлый какой-то, чуть не толстяк, а всего-то двадцать три годочка, что же из него будет! Как станет носить гордое имя чиновника полиции? Маменькин сынок, одним словом. Только болтать горазд. Служит у нас меньше года и ничего не сделал, у коллег авторитета не заслужил. Гнать таких надо каленой метлой. Уж поверьте, у меня глаз опытный.

Нечасто полиция яростно рвет в клочья честь мундира. Данонкин заинтересовался:

— И кто же эта паршивая овца в отборной полицейской стае?

Савелий Игнатьевич, разгоряченный тирадой, вы-

плюнул с языка ненавистное имя, как раскаленный свинец.

Не поверив ушам своим, Данонкин переспросил. Но Желудь упорно стоял на своем.

— Этого не может быть! — отмахнулся репортер. — Я слышал в редакции: это умный и талантливый сыщик, очень дельный, хоть он молодой. О нем идет добрая слава. Мне рассказывали: раскрыл несколько запутанных преступлений. Как же вы говорите, что...

— Ложь, — обрубил пристав. — Сплетни и домыслы. Никакой он не сыщик, это звание заслужить нужно. Юнец желторотый. Мелкий прохвост. Присвоил себе чужие заслуги и доволен.

Горестное выражение на холеном личике подполковника не оставляло сомнений, кого именно так обидели. Новые ужасы о «мелком прохвосте» готовы были, казалось, явиться на свет, но тут Желудь заметил во тьме шатающуюся фигуру. Все силы были брошены на защиту порядка. Кажется, в этот раз удача обрела черты подгулявшего артельщика.

Данонкин обещал присоединиться к показательной расправе чуть позже, сам же приблизился к исчадию ада, все еще мирно изучавшему афишки, и с некоторым сомнением спросил:

— Прошу прощения, вы господин Ванзаров?

Во тьме улицы различить детали сложно, но выдающиеся кошачьи усы нарисовались несомненно. Репортер невольно оценил: юноша, быть может, и ленив, но уж не дурак — точно. Во всяком случае, по первому впечатлению. Взгляд его словно проникал внутрь челове-

ка, обладая необычайной силой. Казалось, он быстро исследует характер, вынося точные заключения. Было много в нем намешано всякого: и проницательности, и цинизма, и (не по годам) серьезности, и какого-то детского, почти наивного простодушия. А еще, быть может, того, что стыдливо называют «обаянием благородства». Нет, врет пристав, врет, подлец.

Несколько смутившись от прямого вторжения в свою личность, Данонкин сделал определенный вывод: может, преступники еще и не дрожали от этого взгляда, но вот женщинам от него лучше держаться подальше. Ничего хорошего не сулил он барышням, а только мучительные раздумья: кто этот юноша — безграничный романтик или коварный оболъститель? Или не то и не другое, а нечто редкое и неопишное. А быть может, и не было ничего подобного в том взгляде, а все это только отражения смутных фонарей? Или некоторая мрачность, явно сквозившая в характере юноши, оставила под глазами синюшные круги, словно он долго и упорно мучился, а то и страдал от чего-то. Или Данонкин сам нафантазировал и себе же поверил, с репортера станется, такие выдумщики. Но вот служебные пороки, так колоритно описанные приставом, на чуть полноватой физиономии не оставили отпечатков. Одно удивительно: молодой чиновник будто и не чувствовал холода.

— Вы, кажется, известный колумнист из «Листка»?

Голос заклятого врага Савелия Игнатьевича оказался приятным, чуть моложавым, с несколько форсиро-

ванным баритоном. Так иногда мальчик пытается выглядеть старше, нарочно давя горло хрипотцой.

Представившись, Данонкин спросил, отчего чиновник полиции не принимает участия в такой важной облаве.

— Нелогично, — немедленно последовал ответ.

— Простите?

— Зачем бороться с последствиями, когда логичнее, то есть эффективнее, ликвидировать причину.

Знаток прекрасного не понял.

— Надо регулировать продажу спиртного, а не ловить пьяных, — ответил Ванзаров и виновато улыбнулся. — Не подскажите, на что бы сходить сегодня вечером, чтобы... ну, как-нибудь развеяться? А то я не силен в театральных новинках.

На такую искреннюю просьбу невозможно не откликнуться. Тем более что юноша невольно тронул любимую струнку в душе репортера. Позабыв про холод, Данонкин собрался горячо рекомендовать юноше парочку премьер. Как вдруг на перекресток выскочила полицейская пролетка, с которой буквально скатился нарочный, почти мальчишка, побежал к заветным воротам, заглянул в них, выпрыгнул наружу и подскочил к афишной тумбе.

— Га-сдин... Ваз-ров... — задыхаясь от спешки, прокричал он. — Фу, еле нашел... В участке... Нет... Скажали... Здесь... Прошу со... Ох... Мной... Срочно...

Срывать с места в карьер Ванзаров не спешил:

— В чем дело?

— Господин полковник... Вендорф... Оскар Игнатье-

вич... Требуется... Вас... Лично... Немедленно... Прошу вас... Транспорт дали...

Юный сыщик, слегка похожий на мишку средней упитанности, отвесил легкий поклон и непринужденным шагом отправился к пролетке, на которую запрыгнул изящной птичкой.

Месье Данонкин погрузился в раздумья: разве понадобится самому полицеймейстеру 1-го отделения столицы бездарный и недалекий чиновник, да еще срочно? Вдруг самое интересное как раз и начнется там, куда отправился Ванзаров? Может, попроситься с ним? Но пока тянулись размышления, пролетка исчезла с глаз.

Досадуя, что выпустил из рук сенсационный репортаж, Данонкин стал искать пристава, но Желудь, как назло, исчез, а вместе с ним и героическая облава. Словно тьма и ветер поглотили их. Только остались пустые тротуары да одинокие фигуры, спешащие неведомо куда. Даже дворник засадной подворотни сгинул, бросив скрипящую калитку на вой сквозняка.

Эхом завывала метель в душе репортера. Запахнув плотнее воротник, побежал он трусцой в редакцию, чтобы отразить уж как-нибудь героические подвиги полиции в завтрашнем выпуске. Но первым делом — изгнать морозец из тела графинчиком водки с обильным холодцом.

Служебная пролетка бойко стремилась по Невскому проспекту. Весело цокали подковы по морозному насту, игриво мигали огоньки праздничных гирлянд,

витрины магазинов сияли иллюминацией, воздух пронизывали радостные предчувствия. Но в душе чиновника полиции не нашлось искры праздника. Тоскливо и кисло там было, как в забытом чулане. Заглядывать туда пока не время, успеем еще.

Сосед по жесткому сиденью натянул спасительную накидку до груди, шмыгал носом и старался делать вид, что равнодушно разглядывает окрестности. Сам же бросал внимательные взгляды вбок, словно не решаясь заговорить о чем-то важном. Надо спасти юношу от косоглазия.

— Вас как зовут? — спросил Ванзаров внезапно строгим тоном.

Парнишка, которому на вид не исполнилось еще и двадцати, оживился и, немного волнуясь, представился Николая Гривцовым, коллежским регистратором 2-го Литейного, даже поклончик не забыл. Чин его был самым младшим в чиновничьей иерархии, а потому юношу, скорее всего, гоняли в хвост и в гриву все, кому придет охота. Кто за папиросками, а кто за Ванзаровым.

— Что там случилось, коллега? Зачем эта спешка?

От такого обращения Коля Гривцов чуть не расцвел на морозе, даже накидку отринул.

— Такая досада, я ведь ничего не знаю, господин Ванзаров, меня решительно никуда не пускают, — признался он и тут же добавил с мечтательным восторгом: — Наверное, там труп...

Мрачное слово заиграло волшебной музыкой и чистым восторгом на хрустальных гранях мечты. Ну, или что-то вроде того. Ванзарову хватило одного взгляда,

чтобы составилась мгновенный психологический портрет. Техника эта была натренирована для преступников и свидетелей, но годилась и для мирных целей. Все ясно: мальчишка из благополучной семьи, наверняка родители готовили отпрыска для блестящей карьеры, а чадо выкинуло фокус — потребовало отправить на службу закону и справедливости, то есть в полицию. Сколько ни объяснял ему родитель, что служить закону в полиции так же глупо, как на кухне жалеть куриц, Николенька был непреклонен. В общем, Ванзаров распознал в парнишке что-то близкое и свойское. И проникся совершенно. Но вида не подал.

— С чего вы взяли, что непременно труп? — строго спросил он. — Почему не кража?

— Ну а что же еще, — Николая с печальной завистью вздохнул. — Господин пристав меня не подпускает, значит, точно труп. Ему маменька приказала меня к трупам не подпускать ни под каким видом. Ну, что тут поделать, такая досада... А вы трупы видели?

Юноша смотрел с надеждой и восторгом. Нельзя разочаровать ребенка и крушить розовые мечты. Ванзаров отделался смутным бурчанием и опять спросил коварно:

— Где случилось происшествие?

— Велено доставить вас в Косой переулок...

— Зачем же господину полицеймейстеру снаряжать за мной из вашего участка?

— Так ведь он сам ожидает, и наши все там. А меня ни во что не посвящают, только приказы отдают. Эх, хоть бы глазком на труп взглянуть. Так любопытно!

— Ничего интересного, засохшая кровь и ароматы смерти. Успеете насмотреться досыта, — сказал Ванзаров и вдруг понял, что нечто подобное слышал сам не так давно. Как, однако, быстро летит время.

— Скорей бы уже. Как я мечтаю стать сыщиком...

Просто дежавю какое-то! Еще один романтик полицейской службы. Ничего, через месяц-другой станет обычным чиновником, ленивым и нелюбопытным. Какая все-таки жалость, что служба превращает горячих мечтателей в черствых служаек.

— Мы с вами, коллега, не сыщики, а чиновники полиции, — наставительно сообщил старший товарищ. — Сыщики в дешевых романчиках, а мы используем логику и психологию. Как завещал нам старина Сократ. Надеюсь, понимаете, о чем я.

Коля преданно закивал, но тут же выпалил:

— А это правда, что о вас говорят, господин Ванзаров?

— Смотря что...

— У нас в участке шепчутся, что вы хитрый и коварный, как змей, пользуетесь покровительством начальства и темных потусторонних сил, отчего раскрываете все преступления. У вас имеется волшебный амулет на удачу, который в детстве вам подарила то ли ведьма, то ли цыганка. Поэтому вам всегда везет, но за это придется расплачиваться в загробном мире. А еще у вас усы заговоренные.

Слава пришла внезапно. До какой же околесицы умеют договориться полицейские сплетники, хуже женщин, честное слово. Даже усов не пожалели. Хотя такой роскошной растительности отлива воронова кры-

ла можно обзавидоваться, это правда. Вот, например, у Коли под носом жалкие травинки пробиваются.

Ванзаров сбил морозную крошку с волшебных усов.

— Удача сыщ... тьфу ты, чиновника полиции — его разум. И только.

Открытие огорчило. Никола так надеялся прикоснуться к таинственному амулету, если уж к трупам не дают. А тут — разум. Ничего интересного.

— Благодарю. Постараюсь запомнить.

— Могу просить вас об одолжении?

Разумеется, Коля горячо согласился быть полезным в чем мог.

— Опишите, что там происходит. Может, заметили что-то любопытное?

Как ни пыжился юный чиновник, как ни тер замерзший лоб, но ничего толкового припомнить не мог.

— Кажется, про вас что-то говорили....

— Опять магические силы?

— Нет, как-то странно, вроде: «Вот уж попался». Эх, ничего-то я не знаю. Отослали меня. Простите...

С горя юный чиновник закрылся накидкой и затих. А Ванзаров не счел нужным копаться в мелких глупостях и отдался мрачной задумчивости.

Свернув с Пантелеймоновской улицы, пролетка встала. Кучер, он же городской, оборотился к пассажирам, одарив многозначительным взглядом, потерял всякий интерес к их дальнейшей судьбе. Дескать, идите куда хотите. Но место назначения казалось сомнительным. Косой переулок находился вблизи главных проспектов, но праздничной суетой его обдели-

ли, как бедного родственника угощением на богатой свадьбе. Не хлопали гирлянды праздничных флажков, не играла иллюминация, да и вообще казалось, что переулок не имеет к грядущим радостям никакого отношения. Парочка хилых газовых фонарей еле-еле разгоняла вечернюю муть. Но и этого было достаточно, чтобы ясно разглядеть совершенно пустые тротуары. Ничто не указывало, что где-то здесь произошло серьезное преступление. Не было толпы зевак, которых отгоняли городовые, фотограф не сверкал вспышкой магния на высоченной треноге, не расхаживали следователи в поисках очевидцев или свидетелей. Сонная дремота тихого угла, и только.

Шутки часто скрашивали серые будни чиновников полиции. Ванзаров имел счастье в этом убедиться неоднократно. Все указывало на то, что нынче розыгрыш удался как нельзя лучше. Коллежский секретарь глянул на мальчишку со всей строгостью старшего по чину. Николая вылез из теплого укрытия, осмотрелся и растерянно пробормотал:

— Ничего не понимаю. Не мог же я перепутать, мне четко приказали доставить сюда. Честное слово, господин Ванзаров...

Внезапно от стены отделилась темная фигура и, придерживая шашку, устремилась к пролетке. Подбежавший городской небрежно козырнул, пригласив гостя следовать за ним.

— Рад был знакомству! — крикнул вслед Николая с тайной надеждой, какую могут выдумать только мальчишки, рвущиеся к подвигам и свершениям.

В крохотном проулке меж неплотно выстроенных домов втиснулась карета с наглухо занавешенными окнами без украшений и резных гербов. Незаметная и скромная, как и полагается служебному экипажу серьезного департамента. Осоловевшие лошади вздрагивали под инеем и громко фыркали. Промерзший кучер закутался в шубу так, что носа не видно. Давно ждут.

Городовой деликатно стукнул в дверцу, блестящую черным лаком, и предложил руку. Но Ванзаров осилил кованые ступеньки без посторонней помощи. Еще чего не хватало!

Внутренность, обитую серой материей, освещал керосиновый светильник, засунутый под самый потолок. Стараясь не задеть полковничьей шинели, Ванзаров пробрался на свободный диванчик, поздоровался, но шляпу снимать не рискнул, чтобы не угодить локтем в начальство.

— Где вас носит? — строго спросил Вендорф вместо приветствия. В такой холод невежливо заставлять ждать любого, а господина полицеймейстера как лицо, наделенное властью, тем более. И властью немалой. Начальник 1-го отделения командовал одной четвертью из сорока двух участков Петербурга. Трем другим полицеймейстерам принадлежали остальные. Выше их в служебной иерархии полиции восседали только градоначальник и директор Департамента полиции.

Послушный чиновник Ванзаров доложил, что участвовал в облаве на хулиганов и пьяниц, устроенной господином приставом.

— Я ему покажу облаву! — пообещал строгий началь-

ник и тут же сменил тон: — Извините, Родион Георгиевич, дорога каждая минута, ситуация непростая. Начну с главного. Ознакомлены с содержанием секретного циркуляра о мерах по обеспечению порядка в канун празднования?

— Никак нет, нам не положено, — ответил Родион не моргнув глазом. Циркуляр доводился до всех приставов столицы, был строго конфиденциальным, но какой секрет не станет известен тут же!

— Так вот, напомним его суть, — Вендорф не питал иллюзий о соблюдении тайн своими подчиненными. — В преддверии высочайшего праздника в столице не должно быть происшествий. Никаких. Уличное хулиганство, кражи и прочее исключены. А про убийства и говорить нечего. Ничто не должно омрачать народную радость. Это вопрос сугубо политический. Отчетливо понимаете?

Родион не мог понять только одного: для чего понадобился он? Но внешние приличия выдержал.

— Очень рад, что имею под своим началом такого способного чиновника, — сказал Оскар Игнатьевич с непозволительной искренностью. — Необходимо, чтобы вы лично расследовали случившееся.

— А что произошло?

— Вам доложат подробно. Все распоряжения отданы. 2-й Литейный ждет, когда приступите, он под вашей командой. Если понадобится — привлекайте свой участок. Но условия строжайшие: чтобы ни один репортериска не пронюхал, чтоб звука не было. Что хотите, но завершить не позднее утра 21 октября. Дело

заводить только после праздника. Чтобы в моем отделении все было образцово. Очень на вас надеюсь.

— Разве Литейный сам не справится?

— Уж позвольте мне решать, кто справится, — не повышая голоса, отрезал Вендорф. — Я высоко ценю ваши профессиональные качества, если не сказать — талант. Но в этом деле есть факт, требующий именно вашего участия. И объяснений, каким образом вы имеете к нему личное отношение. Не разочаруйте меня. Повторяю: сроку три дня. У вас все в порядке? Болеете? Выглядите скверно.

— Все благополучно. Благодарю вас.

На этом разговор решительно истощился.

Ожидавший городской вежливо придержал дверь и крикнул кучеру трогать. Черная карета, дернувшись, словно примерзла колесами, растворилась во тьме. А господину чиновнику было предложено следовать в ближайшую подворотню. Родион не боялся пустых страхов, а потому не стал гадать и переживать, какая такая связь между ним и неизвестным преступлением. Там видно будет.

Ворота, по обычаю запираемые с первой темнотой, были гостеприимно распахнуты. Внутри каменной пещерки с полукруглым сводом топталось множество народа в пальто и шинелях. Так что никакой жилец дома не рискнул бы сунуться. Кашель и приглушенные голоса эхом доносились наружу. Появление долгожданной персоны было встречено дружным молчанием. На Родиона смотрели с плохо скрываемым злорадным инте-

ресом. Он поздоровался со всеми сразу. Ему ответили молчаливые кивки.

К списку заклятых друзей, состоявших из чиновников родного участка, добавился 2-й Литейный в полном составе. Тут магией усов не отделаться, долго будут припоминать. Что поделать, неудобен талант среднему чиновнику, вызывает в нем душевную неприязнь. Появляется некто, выскочка, кто может что-то делать без отговорок и отписок. И делает, негодник. Неприятно, сами понимаете.

— Что ж, господин Ванзаров, приступайте, — штабс-капитан Звержинский одарил сладчайшей улыбкой и поднес ладонь к фуражке. — За дело, господа, берется настоящий сыщик. А мы тут лишние.

Заскрежетали едкие смешки. Темнота подворотни скрыла лица храбрецов.

— Позвольте, но в чем хоть дело? — несколько растерялся Родион.

— Под вашим началом оставляю четырех городских. Достаточно? Или вам размах требуется?

И эта реприза была принята публикой.

— Надеюсь, поразите нас молниеносным расследованием убийства. И особо разьясните загадку: как это умудрились так вляпаться, шалун?

Под дружный хохот когорты чиновников 2-го Литейного удалилась в переулок. Квартет городских, оставленный в залог, хоть и не принимал участия в веселье, но теплых чувств к чужаку не испытывал. На Ванзарова смотрели с нескрываемым желанием слегка раскатать по свежему льду. Так, чтоб мокрого места не

осталось. Лишь в дальнем конце подворотни маячила высокая фигура, равнодушная ко всему, но смутно знакомая своими очертаниями.

Что оставалось? Только и спросить наугад:

— Где тело?

Старший городской Зыкин пригласил к стене. Около каменной тумбы, защищавшей угол дома от тележных колес и нечаянных ударов, растянулся кусок тканины, целиком скрывая находку. Прорезались слабенькие лучики потайных фонарей, еле пробивавшиеся сквозь открытую створку. Приказ соблюдения секретности выполнялся строго. Материю, оказавшуюся солидным брезентом, подняли, образовав нечто вроде шатра. Ванзарова пригласили внутрь. Немного согнувшись, он пролез, как в детской игре «в палатку».

Мороз сковал твердую корку. На ней, как на мраморном столе, вытянулось худенькое тело. Барышня невысокого роста, Родиону по грудь будет, лежала мирно, вытянув обнаженные руки по швам. Для такой погоды одета необычайно легко: бальное платье в мелких розочках, ленточках, с решительно глубоким декольте и совершенно обнаженными плечами. Украшений, полагавшихся к такому наряду — кольца, серьги или колье, — нет. Только бутон искусственной хризантемы приколот на левом плече, внутри его цифра 4, написанная чернилами. Волосы аккуратно причесаны, но без парикмахерских изысков. Из другой одежды — потертые ботиночки на шнуровке. Подол гофрированной юбки должен скрывать их надежно. Но в лежащем положении видно все. Молода, возраст не больше сем-

надцати или что-то вроде. Казалась она Спящей красавицей, явившейся из сказки. Во-первых, холодная и совершенно мертвая. Но самое главное — красота.

У Родиона были сложные отношения с женской красотой. При виде милого или обворожительного личика он терял значительную часть своей логической силы. Да что там говорить — просто глупел. Красота женщины действовала на Родиона как столбняк. Словно помещали его в микроволновую печь (подумаешь — не было, а ощущение было) и прожаривали изнутри. Красота выворачивала сердце мокрой тряпкой и вешала сушиться на палочку, которой могла вертеть любая ушлая бабенка. Из романтиков получают отличные ломовые лошадки семейного быта. Но боязнь разрушить красоту грубым прикосновением привела к тому... Ну, об этом не время, после.

Так вот, барышня была исключительно хороша, даже слишком хороша для настоящей женщины. Как будто над лицом ее тщательно поработал волшебный резец, удалив малейшее несовершенство кожи. Даже мертвенная бледность ее не портила — словно мраморная статуя. Во всей этой красе был один недостаток: горло пересекал черный месяц глубокого разреза. Огромный зев, раскрытый в немом крике. Милая головка задралась назад, обнажая анатомические подробности гортани. Но крови не было. Нервному Николая такое зрелище рановато, чего доброго, рухнет в обморок.

Причина смерти не вызвала сомнений: груба и наглядна. Но вопросов от этого меньше не стало. Наоборот, их рой жужжал густым облаком. И первый,

быть может самый важный: кто она такая? Родион готов был присягнуть на томике Сократа, что нигде и никогда, ни вскользь, ни случайно не встречался с этой очаровательной брюнеткой. Он бы не смог ее пропустить. А уж забыть — тем более. Барышня была совершенно незнакома коллежскому секретарю Ванзарову. В этом можно не сомневаться. Тогда откуда намеки Вендорфа и коллег?

Брезент опустился, дверцы потайных фонарей скрыли еле теплящиеся огонечки. Родион вылез из палатки:

— На обход жильцов кого-то послали?

— Дом пустой еще, недавно после ремонта, — ответил старший городской Зыкин.

Не самая приятная новость. Значит, опознать быстро надежды нет.

— Кто нашел тело?

Вперед подался не самый крупный детина, назвавшийся младшим городовым Патлиным. Но и только.

— Ну, так докладывайте, — раздраженно сказал Родион.

— С час назад делал обход, — начал Патлин без огонька и задора. — Около третьего дома по Косому переулку увидел пострадавшую...

Ванзаров тут же перебил:

— Позвольте, но это же девятый...

— Так точно.

— Вы что, перенесли тело с места преступления?!

Большее святотатство придумать сложно. Все следы, важные детали, мелкие подробности, даже поло-

жение тела — все пропало. Закипавший гнев грозил обварить городского, но Патлин равнодушно объяснил:

— Господин полицеймейстер лично приказали. Чтобы людей не пугать... Иду, вижу — лежит, бедная, думал, выпившая. Тронул, а она холодная, ну, я шинель скинул, накрыл ее, засвистел, прибежал Зыкин, послал за подмогой. Они все прибыли. И господин Вендорф прискакал. Велел подальше отнести.

Родион потребовал указать место немедленно. Без особой охоты Патлин поплелся, придерживая неудобную саблю, так что Ванзаров далеко обогнал его.

Тщательный осмотр в подворотне обнаружил только засохший лед. Следов — никаких. Городовой, неторопливо добравшись, уверял, что барышня лежала вдоль стены, головой к переулку, а ногами во двор. Но показать наглядно на себе отказался. Оставалось вообразить.

— Что здесь? — спросил Родион, кивая на трехэтажное строение.

— Доходный дом, что ж еще...

— Со стороны набережной Фонтанки концертный зал «Помпеи»?

— Так точно. Тылом в этот двор выходит...

Повернув назад, Ванзаров снова опередил городского, как призовая лошадь ишака. Кажется, возвращению его было радо только одно живое существо. За парадный подъезд соседнего дома прятался Николая Гривцов. Юный чиновник так вытягивал шею, стараясь

проникнуть на место преступления, что грозил потерять фуражку. Мальчишка был подозван пальчиком. Отведя его в сторону, Родион дал поручение: разбиться, но разыскать любую афишную тумбу и кое-что проверить в афишах. В отличие от городских, Николая бросился выполнять указание бегом и с удовольствием. Вот бы так все в полиции старались... Ну, да что напрасно мечтать.

Работа логики требовала глубокого вздоха, чтобы унять расшалившиеся страсти. Медленно втянув морозный воздух, Ванзаров закашлялся. Тонкое обоняние уловило омерзительный запах, какой могут издавать посланники преисподней на земле, а именно сигарки никарагуанского табака. Курить их хватало мужества лишь избранным, а запах не выдерживал, кажется, никто. От этой вони падали в обморок лошади и барышни, а бездомные собаки бросались под нож мясника. Ну, или что-то вроде того... Среди знакомых Родиона курил их только один человек, который был нужнее всего именно сейчас: великий и ужасный Лебедев. Главный эксперт и криминалист достиг такой непогрешимой репутации, что одно его появление на происшествии обещало победу. И ведь еще недавно их связывало с Ванзаровым что-то вроде дружбы. Впрочем, не будем о грустном...

Величественная фигура с сигаркой возвышалась на фоне подворотни. Городовые жались в сторонку, вежливо прикрывая носы ладошками.

— О, ваше превосходительство великий сыщик, —

провозгласил Лебедев без всякой радости и даже цинично не вынул сигарку из зубов.

— Добрый день или вечер, Аполлон Григорьевич, счастлив вас видеть, — покорно ответил Родион и даже взгляд опустил, как покорная овечка.

— А вот я несчастлив созерцать вашу негодную личность, да! — прогремел глас, так что переулок содрогнулся. — Если бы не приказ Вендорфа, с места бы не сдвинулся. Только ради вас. Так и знайте.

Городовые одобрительно захихикали.

— Молчать! — рявкнул Лебедев. — Это вас не касается.

Набравшись смелости, Родион приблизился к грозному коллеге, но руки подавать не посмел. Его физиономия была рассмотрена и критически оценена:

— Что это вы выглядите как жертва научного эксперимента? Помирать собрались?

— Страдаю от любви.

— Вы?! От любви?! Хо-хо. У вас же ничего человеческого, одна логика. Такой любить не может. Сухарь. Да еще и жулик.

— Аполлон Григорьевич, помогите, мне очень трудно, — тихо проговорил сухарь и жулик. — И нужна ваша помощь...

— Вот как? Ладно, даю последний шанс: рассказывайте, чем закончилось дело бильярдиста, и так и быть — будете прощены.

— Не могу. Это не мой секрет, уже сколько раз повторял вам, поймите. Я слово дал.

— Ах, вот как?! — опять взревел Лебедев и швырнул об лед сигарку, так что городовые в ужасе посторонились.

лись. — Значит, лучший друг должен два месяца разрываться от любопытства, а вы слово дали? И кому же?

— Вы прекрасно знаете...

— Ну, раз так... — грозно начал великий Аполлон.

Родион зажмурился, ожидая проклятий и разрыва дружбы уже навечно.

— ...тогда примите мое уважение вашей стойкости. Такое не часто встретишь. И вообще, идите-ка сюда, обниму вас, соскучился ужасно. Столько не общаться с умным человеком — это пытка, да.

Трогательная сцена объятий произошла на виду городских. Впрочем, восстановлению суровой мужской дружбы такие мелочи — не помеха. Но какое неопишное счастье испытал Родион! Столько переживаний и мук, столько страхов. И все закончилось. Необъяснимое облегчение. И как вовремя. Теперь у логики есть надежная опора. Научная и точная.

Отстранив упитанное тело, которое еле дышало после стальных объятий, Лебедев строго спросил:

— В самом деле, Ванзаров, выглядите чуть лучше трупа. Совсем доходяга. Что с вами?

— После, ерунда, давайте займемся, мало времени...

— Деловой вы наш. Ну, давайте... Брезент поднять, фонари включить! — последовал грозный окрик.

Городовые бросились выполнять без промедлений.

В палатке с Лебедевым было... почти уютно. Если бы не холод и мертвое тело. Именно оно требовало немедленных ответов. Опершись на походный чемоданчик, Лебедев многозначительно поглядывал то на Родиона, то на мраморный лик.